

Сравнительный контент-анализ этических кодексов психологов двадцати стран

Введение

С ростом членства психологических ассоциаций, изменением статуса профессии психолога, с ростом числа психологов, имеющих частную практику и работающих в учреждениях, с ростом количества направлений и школ психологическая помощь как социальная практика все больше нуждается в языке нормативной регуляции. Функцию такого языка-посредника между различными социальными институтами, ассоциациями психологов, самими психологами и клиентами выполняет этический кодекс психологов. Основная задача языка нормативной регуляции заключается в устранении дефицита понимания, в обеспечении эффективности медиации и согласованности коммуникации участников. Отсюда, особое внимание к составлению свода этических положений, которые бы ориентировали профессионалов как в самых основных этических принципах, так и в специфических, иногда продиктованных типичной ситуацией, профессиональных нормах.

Этические кодексы психологов разных стран так или иначе дают представление об историческом и социокультурном фоне страны, о статусе и практике профессии, о согласованности ценностей, имеющей особую важность для психологов именно этой страны, наконец, о том, как эти ценности реализуются в деятельности профессионала. Культурные различия в языке нормативных отношений отражают и различия правовой культуры обществ. Для общества, имевшего перерыв в развитии правовой культуры, характерно либо несовпадение кодифицированных и неофициальных норм, что выражается в том, что задокументированные нормы оказываются менее функциональными, чем сложившиеся стихийно неофициальные, либо в недостаточной ознакомленности с правами и обязанностями тех, кто призван выстраивать свои отношения согласно этим задокументированным нормам. Так, функциональность этического кодекса профессии детерминирована, прежде всего, социокультурным фактором.

Наряду с тенденцией отражать культурное разнообразие в кодексе, достаточно сильна и тенденция унификации, которая может тяготеть либо к абсолютистской, либо к универсалистской версии. Цитируя работу Berry и др., которые предложили различать релятивизм, абсолютизм и универсализм в этике, M.Leach утверждает, что в Этических Принципах Психологов АРА (Американской Ассоциации Психологов) 1992 г. преобладала абсолютистская тенденция с ее намеренным избеганием этноцентризма и распространением ключевой ценности автономии и индивидуализма без учета других культурно обусловленных ценностных предпочтений. По мнению M.Leach, гораздо продуктивнее универсалистская позиция, согласно которой одни принципы и нормы общие для всех

кодексов, другие варьируют или остаются уникальными для отдельно взятой культуры [7, С.182]. Воплощением универалистской этики, на наш взгляд, являются метакодексы, составленные международными ассоциациями психологов. Используя их как свод универсальных принципов и адаптируя к своей культуре при составлении кодекса, ассоциация психологов каждой страны тем самым включается в международный контекст, не теряя своего культурного своеобразия.

Не менее важным условием функциональности профессионального кодекса психологов является содержательный подбор тех принципов, ценностей и норм, которые, с одной стороны, отличались бы не столько декларативностью, сколько простотой применения в конкретной ситуации, с другой – не изобиловали бы частностями, с ростом числа которых растет число взаимоисключающих рекомендаций. Отсюда, не только структура, но и стилистика кодекса во многом определяет его функциональность.

Работы, посвященные этическим проблемам в психологической практике, содержат анализ основных сфер деятельности психолога (консультативная/терапевтическая практика, обучение, исследование), а также тех потенциальных трудностей, с которыми сталкиваются психологи в этих сферах (получение осознанного согласия клиента, участника исследования, неоднозначные/диффузные отношения, вынужденное нарушение принципа конфиденциальности и т.д.) [5, 6, 10, 11, 12].

Сравнительный анализ этических кодексов является вариантом кросс-культурного исследования. С точки зрения все растущего интереса к международной этике, такие исследования весьма актуальны. Они также напрямую связаны с актуальными сегодня вопросами психологической практики в чужой культуре. Сравнению этических кодексов психологов посвящено небольшое количество работ. Как правило, такие исследования сосредоточены на сравнении структуры кодекса, содержательном анализе принципов и норм. Так, в оригинальном исследовании M.Leach кодексы 24 стран сравнивались с кодексом АРА по критерию наличия или отсутствия принципов и норм кодекса АРА [7].

Целью настоящего анализа стало сравнение содержательно-стилистической стороны текстов 20 кодексов. Выбрав такой предмет для анализа, автор допускала, что о функциональности кодекса можно судить как по соотношению принципов и норм в кодексе, так и по его прагматическим характеристикам. А именно, по наличию таких элементов текста, которые несут социально значимую информацию, как-то: ссылка на юридические документы, дополняющие кодекс, указание культурных особенностей, определение ключевых понятий и т.д. – а также по побудительной и обязывающей модальности текста кодекса. Функциональный потенциал кодекса тем выше, чем больше указанных характеристик, и, следовательно, чем предположительно чаще с помощью него можно принимать оптимальные решения. Понятие функциональности кодекса здесь берется в

качестве идеального образца, эталона вне привязки его к конкретному кодексу, т.е. ни один из кодексов не наделялся статусом наиболее функционального. Предполагалось, что по указанному критерию функциональности кодексы одних стран подобны, других – различны между собой. Также предполагалось, что из взятых в качестве переменных одни характеристики вносят больший вклад в функциональность кодекса, нежели другие.

Материалы и методы.

Материалом для анализа послужили тексты кодексов 20 стран, взятые из интернет-ресурсов [1, 2, 8]. Первичная обработка представляла собой контент-анализ текстов. В качестве единиц анализа были отобраны нижеперечисленные смысловые и грамматические единицы. Они же вошли в список переменных при составлении матрицы для вторичной обработки данных. В качестве единиц для переменных «ограничения» и «рекомендации» отбирались высказывания, составившие основной корпус кодекса. Количество рекомендаций равнялось количеству высказываний «психолог поступает (так)..., психологу следует поступать (так)...». Соответственно, перечень высказываний-ограничений содержит те же рекомендации, но с отрицательной частицей «не», или глаголы со значением ограничения «психолог избегает», «психологу следует воздерживаться». Следующие три переменные составили модальные глаголы «следует», «должен», «может», подсчитывались только относящиеся к действиям психолога глаголы. Переменная «рефлексивная модальность» предполагала подсчет числа объяснений преобладающей модальности в кодексе. Подбор переменных осуществлялся из расчета значимости модальности при восприятии текста реципиентом.

Для переменной «определения» единицами послужили включенные в кодекс определения ключевых терминов (психолог, клиент, зависимый, моральные права, гражданские права и т.д.). Переменная «сравнения» включала единицы синтаксических конструкций «чем..., тем», «в большей степени, чем» и т.п. Переменная «условия» предполагала подсчет таких синтаксических единиц как подчинительные предложения условия «если не..», «если..., то», «когда...» (в значении условия). По допущению, определения, сравнения, условия должны обеспечить доступность и нюансировку нормативных положений.

Для переменной «дилемма» подсчитывались контекстуально значимые упоминания возможных ситуаций этических дилемм и конфликтов интересов. Хотя «конфликт интересов» во многих кодексах – это название структурного раздела кодекса, нас интересовала контекстуально значимая единица в тексте самого кодекса как в одноименном структурном разделе, так и вне его. По тому же принципу подсчитывались единицы «осознанное согласие».

Переменные «количество основных этических принципов» и «различие на принципы и нормы» были выбраны в качестве структурных характеристик кодексов вне сравнения и содержательного анализа их между собой. Подсчитывалось количество основных принципов и структурных частей, содержащих собственно руководства, независимо от того, называются ли они нормами, ценностями или статьями документа. Единицей контент-анализа для переменной «санкции и защита» послужило упоминание о том, что положения кодекса могут быть использованы для защиты психолога. Содержание переменной «юридические документы» составили ссылки в тексте кодекса на другие юридические документы. В качестве единиц контент-анализа, объединенных в переменную «культурное разнообразие», были приняты все упоминания о культурно-обусловленных нормативных различиях.

Была получена матрица первичных данных размерностью 20 кодексов разных стран на 17 вышеперечисленных переменных. Вторичная обработка данных проводилась методом факторного и кластерного анализа с помощью компьютерной программы SPSS. Факторный анализ осуществлялся методом Varimax с выделением главных компонент, выводились только существенные для интерпретации величины факторных нагрузок.

Результаты и их обсуждение

Сравнивая тексты этических кодексов психологов разных стран и при этом акцентируя внимание на культурном подобии и разнообразии формально идентичных профессиональных требований, нельзя не оговорить, что письменный текст как фрагмент культуры несет в себе особенности ментальности этой культуры, в частности ее этического своеобразия. Чрезвычайно интересным с точки зрения прикладной этики является представленность в текстах кодекса нормативного уровня и метауровня этики. К тому же одним из критериев подбора переменных была представленность уровней нормативной и метаэтики в положениях кодекса. Общепринятое описание уровней этики взято из работы Kitchener K.S. «Основы этической практики, исследования и преподавания психологии» [5, С.3].

Различают дескриптивную этику, которая изучает существующие нормы и предлагает обзор существующих способов поведения, разделяемых ценностей в конкретном сообществе. Изучением этой области этики занимается психология, социология, антропология. Нормативная этика задается вопросом, каких моральных ценностей и идеалов стоит придерживаться и почему, как следует вести себя, когда возлагается ответственность и за что, когда стоит обвинять, а когда награждать. Рефлексия подобного рода обычно осуществляется в философском дискурсе. Также к области философии относят вопросы о значении этических понятий и логике моральных суждений, что само по себе составляет

содержание метэтики. Любого рода практика связана с вопросами прикладной этики, то есть с возможностью использовать потенциал нормативной и метаэтики в конкретных ситуациях. Поскольку этические кодексы являются не чем иным как руководством, призванным раскрыть такой потенциал, функциональность кодекса измеряется тем, насколько с помощью него удастся принять оптимальное решение, разрешить или предупредить (что предпочтительнее) сложные и конфликтные ситуации.

При проведении факторного анализа была поставлена цель объединить переменные (содержательно-стилистические характеристики текстов кодексов) в значимые факторы, определяющие функциональность кодекса. При интерпретации факторов учитывалась их нормативность и метаэтичность. Результаты факторного анализа переменных представлены в табл.1.

Таблица 1. Результаты факторного анализа содержательно-стилистических характеристик этических кодексов

Характеристики	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
Ср	0,883						
Дил	0,839						
Опред	0,737						
ОС	0,703				0,324	0,473	
ГК		0,864					
Усл	0,413	0,787					
Огран	0,304	0,523		0,394	0,383		-0,400
Реком	0,366	0,523	0,487			0,475	
КОП			0,820				
СЗ			0,743				0,315
РПН			0,699		0,431		
След				0,887			
Возм				0,656	0,336		
Долж			0,393	-0,536			-0,316
ЮД					0,928		
КР						0,924	
РМ							0,873

Условные обозначения: Ср – сравнения, Дил – дилеммы, конфликт интересов, Определ – определения, ОС – осознанное согласие, ГК – границы кодекса, Усл – Условия, Огр – ограничения, Реком – рекомендации, КОП – количество основных принципов, СЗ – санкции и защита, РПН – различие на принципы и нормы, След – модальный глагол «следует», Возм – модальность возможности, Долж – модальность долженствования, ЮД – юридические документы, КР – культурное разнообразие, РМ – рефлексия модальности.

В 1 фактор «Прояснение понятий и ключевых отношений» – 18,173% дисперсии – вошли переменные сравнения (0,883), дилеммы (0,839), определения ключевых понятий (0,737), осознанное согласие (0,703). Сравнения и определения понятий являются логико-лингвистическими конструкциями, и наличие их в тексте профессионального кодекса способствует более дифференцированному и точному пониманию положений кодекса, что и повышает профессиональную культуру психологов, и обеспечивает функциональность кодекса. Объединение в фактор сравнения и определения как логико-лингвистических конструкций и самых неоднозначных и сложных моментов во взаимодействии психолога и зависимых подопечных (учащихся, участников исследования, пациентов/клиентов), а именно: осознанного согласия и ситуаций дилемм, конфликта интересов – имеет свою внутреннюю логику: осознанность и ясность происходящего, обеспеченная четким разграничением понятий и согласием сотрудничать, позволяет предупредить возможные недоразумения и повысить эффективность работы. Действительно, самое пристальное внимание разработчиков кодексов направлено на предупреждение неоднозначных и диффузных отношений психолога и зависимого [9, 10, 11, 12]. И если в разделах, посвященных такого рода отношениям, речь идет, прежде всего, об ответственности психолога, то в разделах кодекса, обсуждающих осознанное согласие, говорится о способности или неспособности зависимых давать такое согласие. Иными словами, вся процедура взаимодействия напрямую зависит от поддерживаемого осознанного согласия. Причем подразумевается именно письменное согласие (*informed consent*), и, как исключение, допускается устное согласие (*assent*). По сравнению с другими кодексами, больше всего упоминаний и руководств по поддержанию осознанного согласия в кодексах Новой Зеландии, Канады, Австралии. Меньше всего – в кодексах Украины, Болгарии, Хорватии.

Наряду с традиционным перечнем общих пунктов при получении осознанного согласия (объяснения сути и цели психотерапевтического взаимодействия; разъяснения относительно сбора и хранения информации, аргументация частоты, предполагаемой длительности, финансовой и административной базы психологической услуги и др.) есть и специфические. Так, только в этическом кодексе Австралии прописана норма о получении письменного согласия клиента или его попечителей на психологические процедуры, предполагающие телесный контакт с клиентом (Принцип 1. А.3.5.).

2 фактор «Дисциплинирующие условия» – 13,701% дисперсии – составили переменные «границы кодекса» (0,864), «условия» (0,787), «рекомендации» (0,523), «ограничения» (0,523). Данный фактор вполне соответствует этико-нормативному смыслу кодекса, его прямому назначению рекомендовать этические и ограничивать неэтические действия психолога либо в прямых высказываниях, либо в высказываниях с оговоренными

условиями. Более того, действия психолога явно или неявно регламентируются границами самого кодекса. Ограничение кодекса, как правило, связано с тем, что в нем не всегда могут быть отражены изменения социокультурных реалий (и это указывается в текстах кодексов), а также с ситуациями так называемых этических дилемм, где психологу приходится выбирать между двумя принципами, в равной степени важными для благополучного исхода ситуации. Во французском этическом кодексе в обстоятельствах, где психолог не может следовать принципам, ему предлагается полагаться на совесть. Наибольшее количество ограничений кодекса в кодексах Новой Зеландии, Нидерландов, США. Наибольшее количество ограничений в отношении действий психологов в кодексе США.

3 фактор «Формальные и структурные характеристики кодекса» – 13,369% дисперсии – объединил переменные «количество основных принципов» (0,82), «различение на принципы и нормы» (0,699), «санкции и защита психологов» (0,743). Согласно Kitchener K.S., изначально при разработке этических кодексов преследовалась основная цель – помочь и защитить психологов в их профессиональной деятельности, насколько это возможно, защитить профессию от внешних регуляций и повысить ее статус [6]. В кодексах Франции и Российской ППЛ наибольшее количество упоминаний о том, что психолог защищен кодексом. В этом положительная функция кодекса по отношению к психологу. Все же бесспорное количественное преимущество имеют положения о защите клиента и санкциях в отношении психологов.

Сравнивая структурные особенности кодексов, стоит отметить их многообразие: от перечня принципов, за которым следует перечень норм, до сводной таблицы, где смысл каждого принципа раскрывается в соответствующих ему нормах, к которым, в свою очередь, прилагаются комментарии (пример кодекса Новой Зеландии).

Очевидно, внутренняя логика данного фактора такова. Удачная внутренняя организация информации в кодексе способствует более эффективному ее применению и тем самым превращает документ из принудительного в поддерживающий, оказывающий помощь.

2 и 3 факторы представляют нормативный уровень этики кодексов.

4 фактор «Предпочтительная модальность» – 10,323% дисперсии – единственный биполярный фактор – объединил модальные глаголы со значением рекомендации – «следует» (0,887), разрешения, возможности – «может» (0,656), долженствования – «должен», «обязан» (-0,536). В модальности этического кодекса также заключена его нормативная этическая составляющая: кодекс указывает на то, как *должен* или как *следует* поступать психологу. Противопоставление рекомендательной модальности и модальности долженствования составляет полярность данного фактора, где положительный полюс рекомендательной модальности можно истолковать как ее предпочтительность, что вполне

согласуется со статусом профессионального кодекса как документа, в большей степени этического, нежели юридического. Интересно то, что последний 7 фактор «Рефлексия модальности» (0,873) выделен благодаря единственному случаю в тексте Британского этического кодекса психологов, где предпочтительность рекомендательной модальности модальности долженствования объясняется так же. Наибольший процент модальности долженствования в Хорватском и Российском этических кодексах психологов, наибольший процент рекомендательной модальности в Китайском и Иранском.

Для большинства этических кодексов характерно сочетание нормативной и дескриптивной этики, т.е. рекомендации могут либо содержать модальный глагол, либо модальность может подразумеваться, а сам предикат может и не содержать грамматической модальности. Так, наиболее высоким уровнем нормативности в этом смысле отмечен Китайский и Иранский этические кодексы психологов, где практически каждая рекомендация и ограничение формулируется так: «Психологу (не) следует...». Самый низкий уровень модальности в текстах кодексов Российской ППЛ и Канады (CPA).

5 фактор «Юридические документы» (0,928) – 9,647% дисперсии – представлен изначально отобранной для контент-анализа одноименной переменной. Поскольку этический кодекс носит рекомендательный характер, нормы, прописанные в нем, обязательно согласуются с документами, имеющими большую юридическую силу. Ссылки на юридические документы содержат практически все проанализированные кодексы. В кодексах Австралии и Канады в объяснении принципа уважения достоинства различают юридические и моральные права. Несмотря на то, что сферы этики и права не идентичны, хотя иногда и накладываются друг на друга, они остаются сводами правил, следуя которым можно поступать как этично, так и неэтично. Отсюда, уже упомянутое ограничение кодекса в тексте самого кодекса и предложение руководствоваться более высокими нормами этического кодекса психологов, даже если законодательство или другие кодексы выдвигают менее строгие требования, общее для кодексов США, Канады, Новой Зеландии, Австралии. В этических кодексах психологов стран славянских культур упоминается то, что кодекс психологического общества данной страны был составлен на основе Этического Метакодекса Европейской Федерации Психологической Ассоциации.

Данный фактор соответствует уровню дескриптивной этики и указывает на уровень правовой практики в той или иной культуре.

6 фактор «Культурное разнообразие» (0,924) – 9,615% дисперсии – также представлен изначально отобранной для контент-анализа одноименной переменной. Несмотря на обилие англоязычной литературы, посвященной анализу особого рода сложностей, с которыми сталкивается психолог в современном мультикультурном обществе [3, 4, 9 и др.], в кодексах, как правило, не прописаны пункты, ориентирующие психолога в случаях, где знание

культурных особенностей может оказаться решающим. В этом смысле уникальным является этический кодекс Новой Зеландии. В нем неоднократно упоминается документ Treaty of Waitangi, регулирующий отношения народа Maori и остального населения не-Maori. В Этическом кодексе Канады упомянуты культурные различия, касающиеся понимания частного, роли семьи и членов сообщества в принятии индивидуальных решений. Перечень общих принципов этического кодекса Польши содержит важное требование критически анализировать и адаптировать к культурным условиям польского общества заимствованные техники перед их применением. Эти и возможные другие частные положения о культурном разнообразии весьма функциональны и не могут быть заменены общим тезисом о недопустимости дискриминации по расовому, гендерному и культурному признаку.

Уже упомянутый 7 фактор «Рефлексия модальности» (0,873) – 7,933% дисперсии – объясняет предпочтительность рекомендательной модальности модальности долженствования. Вместе с тем он представляет собой интересный метаэтический феномен, характерный, главным образом, для кодексов тех стран, в контексте культур которых была заложена традиция аналитической философии и метаэтики. Прежде всего, это Британский этический кодекс. В отличие от других кодексов, в нем также указан философский подход, положенный в основу кодекса. Это так называемая «британская эклектическая традиция» и предельная формулировка категорического императива И.Канта «Относись к человечеству в своем собственном лице и в лице других всегда как к цели и никогда как к средству». Метаэтичность и рефлексивность, на наш взгляд, также повышает функциональность кодекса.

Второй этап исследования предполагал проведение кластерного анализа с целью установить степень подобия кодексов из 20 стран. В качестве объектов взяты названия стран. Результаты кластерного анализа представлены на рис. 1.

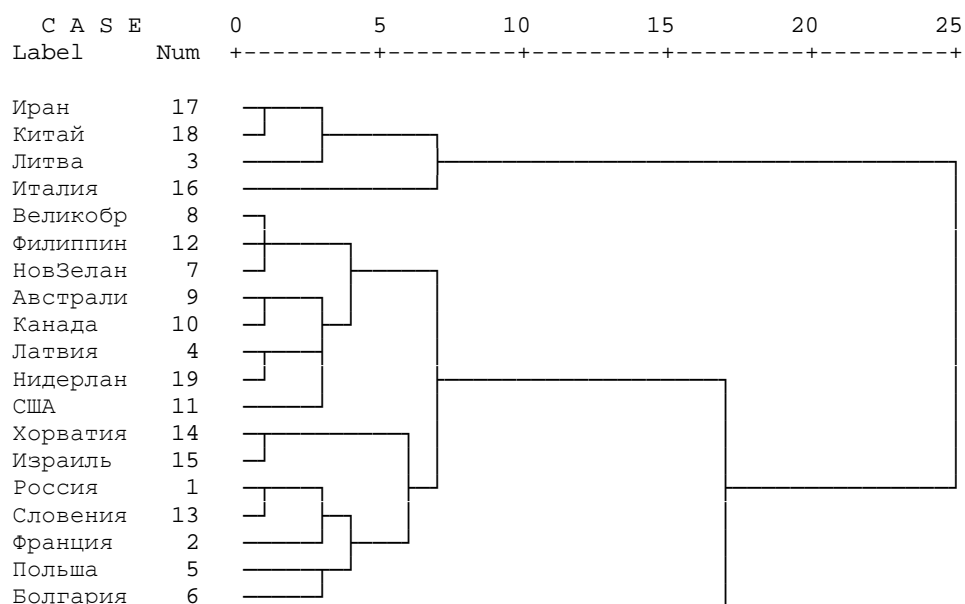

Рис. 1. Результаты кластерного анализа этических кодексов психологов 20 стран.

Сокращения: Великобр – Великобритания, Филиппин – Филиппины, Австрали – Австралия, Нидерлан – Нидерланды, НовЗелан – Новая Зеландия.

На высоком уровне сходства выделены три кластера. В каждом из кластеров объединены страны, этические кодексы которых функционально подобны. Следует отметить и фактор их культурного подобия.

В первый кластер вошли страны славянских культур, а также Израиль и Франция. Самую высокую степень сходства в этой группе показывают две диады Словения-Россия, Израиль-Хорватия.

Во второй кластер объединились США, Великобритания, Филиппины, Новая Зеландия, Австралия, Канада, а также Латвия и Нидерланды. В данном кластере самостоятельный подкластер составила триада Великобритания, Филиппины, Новая Зеландия. Данный кластер включает также следующие две диады: Австралия – Канада, Латвия – Нидерланды.

Первые два кластера объединены на среднем уровне сходства. На низком уровне сходства они объединены с Украиной.

Третий кластер, в который вошли Иран, Китай, Литва, Италия, не поддается интерпретации с точки зрения культурного подобия. Однако как структурные, так и содержательно-стилистические характеристики кодексов этих стран позволяют их объединить в самостоятельную группу.

Заключение

Несомненно то, что вопрос о балансе общих принципов и норм в этических кодексах психологов остается чрезвычайно актуальным. С одной стороны, являясь нормативным документом, этический кодекс психолога ставит своей целью задавать общие этические ориентиры, с другой – уровень принципов без опосредования нормативным уровнем недостаточен, нефункционален. Так же не теряет своей актуальности проблема соотношения морального и правового в этическом кодексе: в какой степени и как нормативный документ содержал бы в себе и то, что часто называют «духом» кодекса, и не утрачивал бы за просветительской свою изначальную регулятивную значимость? Однако применимость, или функциональность, кодекса зависит не только от перечисленных вопросов, не имеющих к тому же однозначного ответа. Кодекс современен и функционален, если он отвечает требованиям времени и культурной среды, в которой применяется. И если перечень принципов, ценностей и норм сравниваемых в настоящей работе кодексах, отражают тенденцию унификации, весьма объяснимую в современном глобализирующемся мире, то

содержательно-стилистические характеристики дают возможность судить о культурных вариантах универсальных принципов и норм.

В результате факторного анализа, выполненного на материале этических кодексов психологов 20 стран, были получены следующие факторы, описывающие содержательно-стилистическую сторону кодексов: «прояснение понятий и ключевых отношений», «дисциплинирующие условия», «предпочтительная модальность», «юридические документы», «культурное разнообразие», «рефлексия модальности». Факторы перечислены в порядке убывания их веса. Очевидно, наибольший вклад в функциональность кодекса вносит оговоренность основных терминов, а также доступность положений, относящихся к наиболее сложным ситуациям в работе психолога – установление и поддержание осознанного согласия и принятие решения в ситуациях этических дилемм. Список переменных для анализа функциональности кодекса, безусловно, может быть дополнен, что придало бы результатам анализа большую информативность.

На основе результатов кластерного анализа можно судить о сходстве и различии кодексов разных стран по представленности в них содержательно-стилистических характеристик. Объекты объединились в три основные кластера: 1 – Хорватия, Израиль, Россия, Словения, Франция, Польша, Болгария, 2 – Великобритания, Филиппины, Новая Зеландия, Австралия, Канада, Латвия, Нидерланды, США; 3 – Иран, Китай, Литва, Италия. Украина не вошла ни в один из кластеров высокого уровня сходства.

Список литературы

1. Положения об этических принципах ППЛ.
http://www.europsyche.org/contents_suche.asp
2. Етичний кодекс Української Спілки Психотерапевтів, 2010. <http://usplviv.com.ua/index.php>
3. Holaday, M., Leach, M. M., Davidson, M. Multicultural counseling and intrapersonal value conflict: A case study// *Counseling and Values*. 1993.– Vol. 38. – P. 136 – 142.
4. Judith M. Multiculturalism and the therapeutic process. – N.Y.: Guilford Press, 2002. – 259 p.
5. Kitchener K.S. Foundation of ethical practice, research, and teaching in psychology. – N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Mahwah, 2000. – 318 p.
6. Kitchener K.S. The Foundations of ethical practice// *Journal of Mental Health counseling*, 1991. – Vol.13. – № 2. – P. 336 – 346.
7. Leach M. M., Harbin, J. J. Psychological ethics codes: a comparison of twenty-four countries// *International Journal of Psychology*. – 1997. – Vol. 32, № 3. – P. 181– 192.
8. Leach M.M. Compendium: codes of ethics of national psychology associations around the world. International Union of Psychological Sciences. – 2008. <http://www.am.org/iupsys/ethics/index.html>
9. Leach M.M. International ethics codes and the duty to protect// *The duty to protect: Ethical, legal, and professional considerations in risk assessment and intervention/ Eds: J. Werth, E.L. Welfel, A. Benjamin*. – Washington, D.C.: American Psychological Association, 2009. – P. 41 – 58.

10. Pipes R.B. Examining the personal-professional distinction: ethics codes and the difficulty of drawing a boundary// American Psychologist. – 2005. – Vol. 60, № 4. – P. 325 – 334.
11. Pope K.S., Tabachnick B.G., Keith-Spiegel P. Ethics of practice: the beliefs and behaviours of psychologists as therapists// American Psychologist. 1987. – Vol. 42, №11. – P. 993-1006.
12. Pope K.S., Vetter V.A. Ethical dilemmas encountered by members of the American Psychological Association: A National Survey// American Psychologist. – 1992. – Vol. 47. – P. 397 – 411.